

SECRET

КУЛЬТОВЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕТЕКТИВ

**Валентен
МЮССО**

СЛИШКОМ
ДРУЖЕЛЮБНЫЙ
НЕЗНАКОМЕЦ

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М98

Valentin Musso
UNE VRAIE FAMILLE

© Editions du Seuil, 2015

Оформление серии А. Саукова

Мюссо, Валентен.

М98 Слишком дружелюбный незнакомец / Валентен Мюссо; [пер. с фр. З. Линник]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Secret. Культовый французский детектив).

ISBN 978-5-699-88710-1

Супругам Франсуа и Матильде Вассер еще рано на пенсию, но трагедия состарила их раньше времени. После того как в университете, где преподавал Франсуа, произошел теракт, они уехали в глушь и поселились в уютном домике вдалеке от тяжелых воспоминаний и городской суеты. Заниматься садом и ремонтом им одним не под силу, поэтому Вассеры наняли Людовика – обаятельного юношу с темным прошлым, зато мастера на все руки. Молодой человек сближается с пожилыми супругами куда теснее, чем они ожидали. Как быстро случайный встречный может стать членом семьи? И чем рискуют люди, спеша довериться слишком дружелюбному незнакомцу?..

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Линник З., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88710-1

Пролог

В 10:18 он прошел через входную дверь и проник в парадный двор университета.

Поскольку в сочельник здесь всегда полно туристов, желающих полюбоваться часовой и старыми каменными зданиями, он беспрепятственно оказался внутри. В джинсах, кроссовках, черепаховых очках и с рюкзаком на спине он выглядел студентом, затерявшимся в толпе. Невидимка.

Тучи рассеялись, двор внезапно залили солнечные лучи, почти сверхъестественно яркие. В этом он увидел обнадеживающий знак.

Он проследил взглядом за голубями, усевшимися на паперти в нескольких метрах от него. Будто два ангела, спустившиеся с небес, чтобы благословить его миссию.

Множество студентов сидело на ступеньках лестницы, на перилах галереи. Их силуэты выделялись на фоне странной стенной росписи, которую ему так часто случалось наблюдать. Там были изображены всадники, храбро скачущие вперед под звуки флейт и барабанов. За ними следовала ликующая свита. Он был один, но тем не менее пересек двор так же гордо, как и эти всадники. Ни шпаги, ни щита в руках. Но так даже лучше.

Некоторые лица показались ему знакомыми. Без сомнения, он сидел в амфитеатре рядом с кем-то из этих парней. Возможно, он с ними говорил и даже мог бы подружиться.

Почему бы и нет... Но сегодня они являлись для него всего лишь созданиями, утонувшими в абсолютной анонимности.

Пройдя вдоль северного фасада, он оказался в большом вестибюле со сводчатым потолком и статуями великих людей прошлого. Торжественное зрелище, особенно грандиозное в свете того деяния, которое ему сейчас предстоит совершить.

В его рюкзачке ни книг, ни учебных записей. Только полуавтоматический пистолет на семнадцать выстрелов. Рукоятка из полимера. Оружие, из которого он стрелял только по мишеням в тире.

Остановившись посреди холла, он замер в неподвижности. Мимо, бросив на него взгляд, прошло несколько человек. Он не обратил на них никакого внимания. В голове у него вновь замелькали образы. Он представлял себе самодовольные лица психиатров из средств массовой информации, которые появятся завтра на всех национальных каналах, чтобы начать многословные рассуждения, объясняющие его поступок.

Сердце забилось в бешеном ритме, но он не испытывал никакой паники. Напротив, ему нравилось ощущать, как все чувства обостряются от возбуждения.

Он вошел в коридор, ведущий к библиотеке. Именно сюда приказал ему идти голос инстинкта. Ему было достаточно лишь его слушаться. Следовать инструкциям.

В 10:40 кто-то заорал. Это был странный крик, не мужской и не женский, в котором слышался лишь тупой животный страх. Неуместная жалоба, разрушившая привычный покой этого места.

Все подняли головы. Глаза присутствующих искали скорее того, кто стал источником этого шума, чем то, что являлось его причиной. Некоторое время царил всеобщая неразбериха. Никто толком не знал, куда смотреть, как если бы полный тревоги крик мог предвещать самое худшее или оказаться просто чьей-то грубой шуткой.

Незнакомец держал в руках оружие, нацелившись в какую-то невидимую точку. Он передернул затвор и вы-

пустил первую пулю в этой комнате. За ней сразу же последуют и другие. Преимущества полуавтомата...

Скользнув по сторонам, его взгляд остановился на первой цели. Он этого не знал, но его жертву звали Максенс. Два года назад поступил на филологический факультет, очень одаренный, хоть и, по словам родителей, имел склонность к дилетантству...

Значит, ему не повезло. Пускай все потом думают что хотят, но Максенс сейчас не должен был здесь находиться. Вчера он до поздней ночи праздновал с друзьями свое восемнадцатилетие. В идеальном мире ему бы следовало сейчас быть еще в своей кровати в студии-мансарде, которую он снимал неподалеку от канала Сен-Мартен, в объятиях своей подружки, и правда очаровательной девушки. О, как она умоляла его остаться с ней! Она даже обещала жаркий марафон, когда они окончательно протрезвеют, но приближались зачеты, а он и так уже пропустил много занятий. «Я должен туда идти». На этот раз он решил поступить как надо. Нужно же в 18 лет принять хоть несколько хороших решений. Контрольная по сравнительному литературоведению. «Современность романтизма как жанра»... А он как раз это не помнит как следует... Мысли еще толком не пришли в порядок. Если бы он знал...

У Максенса даже не было времени понять, что происходит.

Что такое творит этот чувак?

Он даже не дернулся, чтобы попытаться защититься, а просто в упор смотрел на нападавшего остекленевшим взглядом, полагая, что это продолжаются ночные кошмары, от которых он еще окончательно не пробудился.

Звук выстрела, эхом отдавшийся под сводами коридора, взорвал барабанные перепонки.

Максенс не испытал никаких страданий в противоположность тем, кто был после него. Это было его единственным везением за сегодняшний день. Первая же девятимиллиметровая пуля раздробила лобную кость а затем, не останавли-

ливаясь, разбила на множество осколков и теменную — как скажет потом медэксперт, «эффект бластной клетки», — после чего пробила мозг. Никаких шансов выжить.

Поднялась паника.

Нечто по-глупому беспорядочное.

По идее когда перед вами стоит псих с пистолетом в руке, каждому здравомыслящему человеку стоит сообразить, что самое лучшее — убежать и куда-нибудь спрятаться. Но это в теории, а на практике... Большинство устремилось к вестибюлю и сгрудилось на широкой лестнице, ведущей на факультет истории. Этим удалось выпутаться.

Благодаря автоматической перезарядке ему легко удалось достать еще двоих или троих в коридоре. Он предпочел мысленно считать мелькающие перед ним испуганные лица вроде того, как гадают на ромашке.

Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет.

Бах!

Вторая цель.

Маленькая, худенькая, на волосах шиньон, очки в толстой оправе, клетчатое твидовое платье, немного старомодное. Как и Максенс, она не шелохнулась. Здесь не было никакой бессонной ночи. Ни миллиграмма алкоголя в крови. Примерная студентка, которая с самого поступления не прогуляла ни одной пары. Она просто стояла столбом. В ее взгляде был некий пафос: можно было подумать, что она заранее отказалась от мысли, что сможет убежать, и добровольно предлагала убийце себя в жертву. Есть же такие люди...

Выпущенные менее чем с трех метров пули продырявили ей правую часть грудной клетки. Жертву отбросило назад. Тело с глухим звуком ударилось о блестящий мраморный пол.

Спустя сорок восемь часов после госпитализации врачи придут к заключению, что ее мозг мертв. Неделя комы. Врачи не совершат чуда.

В коридоре больше никого. Еще находясь под воздействием выброса адреналина, он начал медленно подниматься по лестнице. В нем что-то поднималось, будто клинок. Ощущение божественного всемогущества. Власть убивать и щадить. Наслаждение, которое, однако, было далеко от того, чтобы сильно затронуть его.

В галерее на этаже он встретил только парня своего возраста. Карикатура на мелкого буржуа из благополучных кварталов. Самодовольное лицо, модные чинос, кардиган «Мелинда Глосс», красивый шарф цвета ржавчины... Да откуда он вообще вылез? Как он мог остаться глухим к крикам паники? Почему не удрал вместе с остальными?

Однако вся самоуверенность быстренько с него слетела. Поняв, что у типа перед ним в руках вовсе не игрушка, он развернулся и помчался как угорелый, скользя на блестящем паркете.

Его бегство было настолько комичным, что нападающий не смог удержаться от улыбки, нажимая на спусковой крючок.

На этот раз было выпущено три пули, в спину. Он выпустил их машинально, как будто просто исполнял свой долг, играл роль. Теперь кровь в его венах бежала не так быстро. Исчезло подрагивание в кончиках пальцев. Чувство удовольствия уже начало притупляться. Он должен действовать с максимальной скоростью, хватит уже осторожничать. Тем более что ему может не хватить времени.

Не глядя, он прошел мимо тела третьей жертвы. Убедился, что в куртке еще добрых две обоймы. Две. И еще четыре другие, которые он извлек из рюкзака и переложил в карманы, которые оставались пустыми. В общей сложности более сотни пуль...

В конце коридора он остановился перед большим амфитеатром слева. На часах было 10:48. Он все организовал просто идеально. Курс лекций по истории... Без сомнения, самый посещаемый в этот день.

Сквозь окошко в двери он услышал шум беспокойных голосов, прерываемый всхлипываниями, торопливое поспешное движение.

Его ждали.

Осмелится ли какая-нибудь добрая душа поднять тревогу? Если только криков на первом этаже не оказалось достаточно.

Он не стал приближать лицо к стеклу, чтобы разглядеть, что там внутри. Ему следует действовать инстинктивно, быть в состоянии приспособиться к любой ситуации.

Он вошел. Спокойно. Без поспешных движений.

Несколько секунд створки двери еще покачивались у него за спиной.

Останься в коридоре какой-нибудь свидетель, он бы смог услышать приглушенные закрытой дверью вопли ужаса, которые сопровождались звуками выстрелов.

До того самого мгновения, когда пули вылетели из его пистолета.

До того, как поднялась суматоха, сменившаяся хрипами и плачем, слившимися в странную колдовскую музыку.

Еще несколько секунд, и раздался последний выстрел, прозвучавший чуть позже предыдущих. Незначительная реплика после главного монолога.

Последняя пуля, которую убийца, пресытившись чужой смертью, выпустил из пистолета.

Себе в рот.

Часть первая

ФРАНСУА

Не задерживайся подле того, кто похож на тебя. Как только окружение становится похожим на тебя или, наоборот, у тебя возникает сходство с окружением, оно перестает быть для тебя полезным. Оставь его, ничто для тебя так не опасно, как твоя семья, твоя комната, твое прошлое.

Андре Жид
«Яства земные»¹

¹ Перевод Надежды Рыковой (*здесь и далее прим. перев.*).

1

В первый раз увидев этого человека на обочине дороги, на выезде из Кемперле, Франсуа слушал песни Шуберта. Поэмы Майрхофера... Матильда находила их чересчур депрессивными, настолько, что он ставил эти диски лишь тогда, когда был в машине один. Но тем не менее именно она подарила ему этот диск на Рождество двумя годами раньше.

Пока он вел машину, в его поле зрения внезапно появился незнакомец: высокий хилый молодой человек, державший табличку из обычного картона; прочесть ее у него не было времени.

Автостопщик? Турист? На них он, правда, не похож. Можно подумать, что он — часть окружающей местности: такой же неподвижный, как табличка с дорожным указателем. Сильно заинтригованный, Франсуа бросил взгляд в зеркало заднего вида, где силуэт на мгновение появился, а затем на крутом повороте окончательно исчез из виду. Вся сцена длилась не более нескольких секунд, и за всю дорогу он ни разу о ней не вспомнил.

Впрочем, он не думал ни о чем определенном. Убаюканный звучащим меццо-сопрано, он расшифровывал для себя по два стиха. В лице у него был курс немецкого, но не настолько глубокий, чтобы схватить все тонкости этого языка. В поэме говорилось об одинокой звезде на небесах. Верная любви звезда страдала в безмолвии. Вот почти и все, что он понял.

Четверть часа спустя, поднимаясь по аллее к своему особняку, Франсуа был потрясен его видом. Зима выдалась дождливой и хмурой, а с первыми лучами солнца знакомые места предстали перед ним в совершенно новом свете: живые изгороди бурно разрослись, сорняки наводнили лужайку, теперь больше напоминающую прерию, а деревья жаждали ежегодной обрезки сучьев.

Все, что Франсуа сделал в последние несколько недель, не имело никакого эффекта. Он не забыл, с каким смущенным видом Матильда подняла глаза к небу, когда он откопал ее инструменты. А до этого она прямо-таки продолбила ему голову, убеждая, что не стоит зря тратить силы и что надо наконец-то нанять садовника.

Садовника... Франсуа согласился, но больше не возвращался к этой теме. Раз уж он решил приобрести это строение и четыре тысячи квадратных метров земли, это все не для того, чтобы смотреть, как кто-то незнакомый вместо него выращивает овощи или подрезает живую изгородь. И потом, что же ему тогда делать целыми днями? У него нет никакого желания проводить их в библиотеке за чтением или за работой.

Когда они решили приобрести собственность в Бретани, наличие большого сада было единственным критерием, по которому они не смогли бы прийти к согласию. Бретань... она стала им почти родной. Они уже потеряли счет летним сезонам, которые провели в гостиничных номерах или в домах, снятых на неделю в Сент-Мало, в Кот де Гранит Роз, в Кемпере или Кебероне. Матильде понравилось бы жить в одном из этих домов с белыми фасадами, выходящими на Авен. После целой жизни в Париже ей было просто необходимо «видеть воздух», но случай привел их в другое место.

В конце двухтысячных во время очередной вылазки на дороге, ведущей в Монтань Нуар, они заметили табличку «продается», прикрепленную к дереву у въезда на проселочную дорогу. Интуиция, любопытство... Они не знали, что подтолкнуло их направиться туда. Они уже тогда иска-

ли себе дом, но не могли и помыслить о том, чтобы купить его так далеко от моря. За грухлявой деревянной изгородью они увидели среди деревьев этот полуразвалившийся лонжер¹ — низкий и вытянутый, как строят в Бретани. Стены из местного камня, голубые ставни, выцветшие от времени, нескладная крыша... и все это утопало в море зелени. «Это здесь», — подумал Франсуа. У него создалось впечатление, будто он вернулся в детство и обнаружил в лесной чаще хижину из своих грез. Франсуа и Матильда не произнесли ни единого слова. Простой взгляд, которым они обменялись между собой, заменил им многочасовые разговоры.

В тот же день они постучались в дверь агентства по недвижимости, обозначенного на табличке. Здесь все требовало починки, большинство посетителей до них были обескуражены количеством работ, которые предстояло осуществить. Цена подлежала обсуждению. Первого же посещения оказалось достаточно, чтобы убедить их обоих. Работы длились уже больше года. Франсуа и Матильда регулярно приезжали сюда; в результате их постоянных усилий запущенное строение понемногу превращалось в колоритный дом, вполне достойный быть сфотографированным на открытку. Они всегда мечтали о доме, где можно будет проводить каникулы, а на пенсии окончательно обосноваться там. Они и не знали, что это произойдет гораздо раньше, чем предполагалось.

Когда он припарковался, Матильда стояла на пороге с чашкой в руке — без сомнения, это был один из тех странных отваров, которые она готовила из найденных в саду растений.

¹ Дом «лонжер» — такие дома можно встретить на западе Франции. Это длинные дома с вытянутыми помещениями на первом этаже, зачастую без перегородок и с мансардным вторым этажом. Ширина домов составляет не более двух-трех метров. Лонжер продается с большим участком, где расположены несколько надворных построек с внутренним двориком.